
Архив
Дьявола
Отель „Жизнь“
SERJ STEFANOVICH
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Serj Stefanovich

Архив Дьявола. Отель «Жизнь»

https://litres.ru/74730963
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы уверены, что мысли в вашей голове принадлежат вам? А годы, которые вы ещё не прожили, никто не выставил на продажу?

Лола умеет выглядеть счастливой. Правильный ракурс, дорогой бокал, улыбка для чужих глаз. Но однажды в её голове появляется голос, которому плевать на красивую картинку. Он знает, куда ударить, и говорит то, чего она не признаёт даже себе.

Макс строит бизнес, следит за здоровьем и рассчитывает на долгую жизнь. Пока вечерняя пробежка и попытка спасти котёнка не заканчиваются смертью. Несчастный случай? Только не для тех, кто только что присвоил оставшийся ему пятьдесят один год.

За смертью Макса ждёт не суд и не пламя. Его ждут очередь, равнодушная сотрудница и пустой баланс.

Добро пожаловать в отель «Жизнь». Здесь за вашими годами следят внимательнее, чем за вашими грехами.

Содержание

Глава 1 5
ОТЕЛЬ ЖИЗНЬ 26
Глава 2 35
Глава 3 54

Serj Stefanovich
Архив Дьявола.
Отель «Жизнь»

Глава 1

В кабинете пахло сухой лавандой, дорогим диффузором и чужим стыдом. За тяжелыми льняными шторами шуршал серый ноябрьский дождь, размазывая огни вечерней Москвы в мутные желтые пятна.

Психотерапевт - мужчина пятидесяти лет в безупречно мягком кашемировом кардигане - положил кожаный блокнот на колени. Щелкнул дорогой ручкой.

- Вы выглядите иначе, Лола, - негромко произнес он, вглядываясь в ее лицо поверх тонких очков. - Спокойнее. И одновременно… в отчаянье. Где вы пропадали две недели? Мы ведь договаривались не прерывать терапию на острой фазе.

Лола сидела в глубоком велюровом кресле.

На ней не было привычного слоя косметики - только бледная чистая кожа, темные круги под глазами и распущенные, чуть влажные от дождя волосы. Пальто висело у двери на плечиках. Никаких поз. Никакого желания казаться кем-то другим. Руки спокойно лежали на коленях, и в них не было телефона.

Она слабо, краешком губ, усмехнулась:

- Я хоронила чужую жизнь, доктор. И пыталась услышать снова внутри тот голос.

- Зачем? Он же вас сюда и привёл, вы хотели от него избавиться. А теперь хотите вернуть? Что же произошло, что

вы поменяли своё решение?

- Всё началось в тот понедельник, - тихо сказала Лола, глядя в темнеющее окно. - В метро. Наверное, в понедельник всё и начинается…

Поезд резко дернулся, вылетая со станции в душный черный тоннель.

- Блядское метро, - процедила Лола сквозь зубы, вжимаясь плечом в холодную стеклянную перегородку у дверей.

Мужчина в мокрой дубленке, которого она задела локтем, даже не поднял головы от экрана. Лола смерила его презрительным взглядом. А зря не смотрит. Сегодня она была безупречна: черное приталенное пальто, белые кеды из лимитированной коллекции (за которые она отдала аванс), небрежный узел волос, на создание которого ушло полчаса и полбаллона лака. На губах - матовый нюд. На лице - плотный слой флюида, стирающий поры и усталость.

В телефоне - включенный фильтр «Paris».

В паспорте - двадцать восемь лет.

В жизни - понедельник.

Она разблокировала экран. До станции «Деловой центр» оставалось семь минут. Три новых лайка. Два сообщения в дейтинге. Один просмотр сторис от бывшей однокурсницы, которая в прошлом месяце выскочила замуж за какого-то айтишника из Дубая.

Лола машинально растянула губы в красивую, отрепети-

рованную улыбку. Не потому, что внутри шевельнулась радость. Просто улыбаться в стекло и в объектив она научилась задолго до того, как научилась слышать саму себя.

К двадцати восьми годам жизнь в ее голове должна была выглядеть как доска визуализации в Pinterest. Своя квартира с панорамными окнами в пол. Белый кроссовер. Красивый, подтянутый муж с хорошими часами и уверенным голосом. Ребенок - пока один, одетый в бежевый льняной комбинезон. Собака редкой породы. И балкон с видом на океан на отдыхе, где она встречает рассвет в шелковом халате, держа в тонких пальцах тонкую ножку бокала.

Лола знала каждую деталь этих будущих фотографий.

Беда была лишь в том, что пока всё это принадлежало другим.

Сама Лола жила на конечной станции серой ветки, на девятом этаже панельного дома с облупленными лифтами. В однушке с тусклыми обоями в мелкий цветочек, скрипучим продавленным диваном и древним холодильником «Атлант», который по ночам вздыхал и дребезжал компрессором, словно умирающий старик. На узком подоконнике стоял пластиковый стаканчик с засохшим стеблем мяты. Лола уже полгода собиралась его выбросить, но проходила мимо. Зачем? Это ведь не ее дом. Это временно.

Всё ее существование держалось на одном спасительном слове: пока.

Пока снимаю.

Пока езжу под землей.

Пока одна.

Пока работаю личным помощником у стареющего самодура за оклад, которого хватает на аренду, латте на кокосовом и на пару вылазок на выходных.

Главное - не пахнуть бедностью. Не выглядеть той, у которой ничего нет. Лола довела этот навык до виртуозности. Каждую пятницу она шла в новые рестораны и бары - высматривала локации в лентах модных блогеров. Заказывала самый дешевый эспрессо или бокал просекко, тянула его два часа, позировала у мраморных колонн, светящихся зеркал и вывесок с неоном.

Делала сорок дублей. Выбирала один. Тщательно убирала прыщик на подбородке.

Выкладывала:

«Влюблена в этот город и в эту жизнь»

Собирала урожай из белых сердечек. Возвращалась на ночном метро домой. Смывала тональный крем гидрофильным маслом. Садилась на скрипучий диван в темноте.

И слушала, как за стеной капает вода в чужом санузле и скрипит кровать, страдая от любви.

Поезд заскрежетал тормозами. Экран мигнул: новое сообщение в приложении знакомств.

Мужчина, тридцать шесть лет. Аккуратная борода, дорогой пиджак, снимок за рулем немецкого внедорожника, снимок на фоне альпийских вершин.

«Привет. Редко пишу первым, но у тебя удивительные глаза. Кофе сегодня вечером?»

Она открыла диалоговое окно, занесла палец над клавиатурой, собираясь ответить кокетливо и сдержанно…

И в эту секунду где-то в затылке, тихо, лениво и отчетливо, прозвучала мысль:

«Пиздит как дышит. Машина прокатная, куртка с рынка, а дома ждет ипотечная двушка в Люберцах и немытая сковородка».

Лола замерла. Палец завис над стеклом.

Она моргнула, тряхнула головой. Чушь какая-то. Откуда это взялось? Она ведь даже не знает его. Но ощущение чужой дешевой фальши было таким плотным, будто мужчина стоял перед ней без одежды.

Она смахнула уведомление и посмотрела в темное окно вагона. Поезд летел сквозь мрак. Из черного стекла на нее смотрело ее настоящее отражение. Уставшие глаза, опустившиеся уголки губ, серая тень под подбородком. Лицо испуганной, загнанной женщины, которая смертельно устала бежать стометровку на каблуках.

Лола быстро подняла смартфон, поймала своё отражение во фронтальную камеру и нажала затвор с фильтром. Экран вспыхнул теплым золотом. Кожа натянулась, глаза засияли фарфоровым блеском.

Щелк.

«Вот теперь порядок», - подумала она.

«Грёбаное чучело», - мягко, почти с жалостью отозвалось внутри.

Лола спрятала телефон в карман и вышла в людской поток на эскалатор, сделав вид, что ничего не услышала.

Офис пах перегретыми системными блоками, дешевым освежителем воздуха и дешёвым кофе.

Огромный опенспейс стеклянной башни гудел, как пчелиный улей, из которого выкачали весь мед. За прозрачной стеной кабинета восседал генеральный - грузный пятидесятилетний хам в итальянском костюме, привыкший орать на подчиненных и многозначительно похлопывать молодых практиканток по плечам. Вокруг него кружили две ведущие менеджерки - с искусственным смехом, декольте и готовностью ехать на любой тимбилдинг за город.

Лола ненавидела их всех. И одновременно сжигала себя завистью к их уверенности.

Она опустилась в офисное кресло, сбросила туфли под столом и включила монитор.

Через две минуты на край ее стола опустился картонный стаканчик. От него шел густой пар с ароматом.

- Двойной капучино без сахара. Пенка плотная, как ты любишь, - раздался спокойный голос.

Малик.

Он стоял рядом - подтянутый, в свежей темно-синей рубашке с закатанными рукавами, с открытым, чистым лицом.

Ему было двадцать семь. Он работал в отделе аналитики, не строил из себя акулу бизнеса, не сыпал терминами из бизнес-тренингов и почему-то каждое утро находил время зайти в кофейню на углу, чтобы принести ей кофе. Просто так. Ничего не требуя взамен.

- Спасибо, Малик. - Лола улыбнулась своей дежурной, слегка снисходительной улыбкой светской львицы. - Сколько я должна?

- Брось. - Он тепло улыбнулся. - Если освободишься в обед, спустимся во внутренний дворик? Там снег первый обещают. Поболтаем.

- Посмотрим по завалу, - уклончиво ответила она, глядя в экран.

Малик задержал взгляд на секунду дольше обычного, кивнул и легко зашагал к своему столу в дальнем ряду.

Лола проводила его глазами. Ровная широкая спина, уверенная походка, потертые, но идеально сидящие джинсы.

В голове привычно закрутилась мамина шарманка, въевшаяся в подкорку с молоком и детскими слезами: «Симпатичный мальчик. И что толку? Зарплата рядового клерка, живет с другом в двушке, машины нет. С таким только нищету плодить да на распродажи бегать. Любовь пройдет через три месяца, а жрать что будете?»

Она взяла стаканчик, чтобы вдохнуть аромат кофе.

«Зато он живой, дура, - раздалось внутри так отчетливо, будто кто-то сидел на соседнем стуле и шептал прямо в ухо.

- Посмотри, как он рубашку гладит. Сам. Без прислуги. И кофе помнит. А твой начальник на корпоративе перепутает твое имя с именем своей секретарши из девяностых».

Лола дернулась, расплескав пенку на клавиатуру.

- Прекрати, - пробормотала она вслух.

Сидевшая напротив коллега удивленно вскинула брови:

- Ты мне, Лол?

- Нет. Мысли вслух. Отчет проверяю.

Она нервно вытерла стол салфеткой. Но взгляд снова скользнул через зал. Малик наклонился над монитором, поправляя воротник. Лола вдруг поймала себя на том, что смотрит на линию его шеи, на сильные смуглые предплечья. Внизу живота неприятно и сладко потянуло теплом. Сердце сбилось с ритма.

«Ты ведь хочешь его, - прошелестела мысль, ядовитая и трезвая. - Хочешь, чтобы он сгреб тебя прямо на эти счета-фактуры и заставил орать так, чтобы генеральный за стеклом подавился своей сигарой. Ты живая баба, Лола. Тебе выть хочется от поиска идеальной жизни. А ты сидишь и считаешь его кредитный рейтинг».

Лола зажмурилась, вцепившись пальцами в край стола. К щекам прилил удушливый стыд.

«Я не такая. Я не позволю себе опуститься до этого. Мне нужна нормальная семья. Стабильность. Статус».

«Тебе нужен склеп с белыми диванами», - хмыкнул голос. И замолчал.

В час дня офис опустел.

Сотрудники потянулись на офисную кухню. Малик достал из рюкзака стеклянный контейнер с рисом и тушеными овощами, оглянулся на нее, вопросительно приподняв бровь. Лола демонстративно достала сумочку, надела пальто и пошла к лифтам.

Контейнеры с едой вызывали у нее почти физическую тошноту. В ее детстве мать всегда мыла и сушила полиэтиленовые пакетики, складывала вчерашние макароны в стеклянные майонезные баночки и совала ей в ранец со словами: «Ничего, в столовой дорого, свое поешь». Лола до сих пор помнила этот запах теплого пластика и вареных яиц, от которого в школьном коридоре хотелось провалиться сквозь землю. Ссобойка была несмываемым клеймом провинциальной нищеты.

Она спустилась в сетевое бистро на первом этаже. Заказала по купону комбо: сухой чикенбургер и стакан колы без сахара со льдом. Села у панорамного окна.

Развернула бумагу. Еда была безвкусной, булка липла к зубам, зато вокруг сидели люди с ноутбуками, играл легкий инди-поп, и это казалось частью большого, правильного мира.

Телефон завибрировал в ладони. Лола вздрогнула и задела стаканчик с колой.

На экране замигала иконка Telegram. Видеозвонок.

«МАМА».

Лола тяжело выдохнула, проглотила сухой ком и провела по экрану.

На дисплее возникло лицо матери - крупное, с оплывшими щеками, снятое снизу вверх. Сзади стоял полированный сервант с сервизом «Мадонна», который доставали раз в пять лет. За ним виднелись обои в коричневый ромбик.

- Лолочка! Ну наконец-то! Я уж думала, опять на совещании у своего важного!

- Привет, мам. Я на обеде.

Мать прищурилась, вглядываясь в экран через толстые стекла очков:

- Что это ты жуешь? Опять гадость токсичную? Говорила же: язву наживешь! Суп надо есть, горяченькое, первое и второе. В термос налила бы…

- Мам, никто не носит термосы в Сити, - устало перебила Лола. - Ты что-то хотела?

Мать помолчала, и ее лицо вдруг странно, жалобно обмякло. Исчезла привычная командирская спесь, с которой она тридцать лет проверяла дневники и отчитывала отца за каждую лишнюю копейку.

- Хотела, доченька. Ночью сердце прихватило опять. Скорую вызывала. Лежу вот, думаю… Лол, ну сколько можно одной-то? Двадцать восемь годков уже. Я в твои годы с тобой на руках уже горя не знала, знала, ради кого живу. А ты всё летаешь. Я ведь внуков хочу, Лолушка. Хоть одного. Пока

ноги носят, пока понянчить успею.

У Лолы перехватило дыхание. Она ожидала упреков, но эта слезливая, удушающая нежность была в сто раз опаснее.

- Мам, ну я же не могу выйти за первого встречного…

- Да господи с ними, с богатствами этими! - вдруг махнула рукой мать, и в уголке ее глаза блеснула настоящая слеза. - Я ведь раньше глупая была, всё твердила: ищи при деньгах, чтоб не мыкалась, как я с твоим отцом-алкашом. Найди просто человека. Доброго. Чтоб не пил, чтоб руки не распускал, чтоб любил тебя. Ну хоть какого, Лол! Хоть слесаря, хоть клерка твоего! Сошлись бы, ребеночка родили… Я зарплату откладываю, помогу на первое время!

Лола сидела, не в силах пошевелиться. Внутри поднималась горячая, удушливая волна ярости.

«Какая прелесть, - лениво протянул внутренний голос. - Двадцать лет дрессировки - коту под хвост. Сначала вбивала тебе в голову, что без миллионера ты кусок дерьма, а теперь согласна сдать тебя в утиль по акции. Лишь бы в подоле принесла».

- Мама, - с трудом разжимая зубы, сказала Лола. - Я не собираюсь рожать «хоть от кого». И жить с кем попало в коммуналке я тоже не буду.

Мать мгновенно подобралась, всхлипнула и снова включила привычный менторский тон:

- Ну и дура! Сиди дальше со своими картинками! Только где ты нормального найдешь? По кабакам своим ночным? В

темнотище этой, где музыка по мозгам долбит? Туда только похотливые кобели ходят! Если уж знакомиться - так в театре! Или в приличном ресторане днем, где профессура обедает, директора! Надень юбку ниже колена, сядь скромно, закажи чай… А ты всё хвостом вертишь… Ладно, валидол под язык положу. Подумай, Лола. Молодость - она как вода сквозь пальцы.

Экран погас.

Лола сидела неподвижно. Остывший кусок бургера казался комком сырой глины.

Внутри стоял такой плотный гул, будто по голове ударили медным тазом. «Найди хоть кого-то». «Внуков хочу». «В театр сходи». Годы попреков, лекций, бесконечного страха стать такой же, как мать - брошенной, злой, считающей мелочь на кассе - слились в один липкий ком.

«А в офисе сидит Малик, - тихо, почти ласково шепнул голос. - Не пьет. Добрый. На обед звал. Всё в точности, как матушка просила. Так почему же тебя тошнит от одного взгляда на его ланч-бокс?»

Лола скомкала обертку и швырнула ее в мусорку.

- Потому что я не сдамся, - сказала она в пустоту.

Вечером пятницы она стояла посреди модного бара на Патриарших.

Гремел глубокий бас. Воздух был пропитан дорогим парфюмом, дымом вейпов и запахом устриц. Вокруг смеялись

ухоженные женщины с точеными скулами и мужчины в кашемировых пальто, небрежно брошенных на спинки стульев.

Лола пила свой единственный джин-тоник крошечными глотками. Она сделала фото у золотого панно. Выложила. Получила пятьдесят лайков за десять минут.

К ней подошел мужчина. Дорогие часы, расстегнутый ворот рубашки, тяжелый взгляд хозяина жизни.

- Скучаешь, красавица?

Лола ослепительно улыбнулась:

- Наблюдаю.

Они проговорили полчаса. Он рассказывал про свои криптопроекты, про дом на Бали, сыпал названиями брендов. Лола слушала, чувствуя, как внутри расправляются крылья. Вот оно. Настоящее. То, ради чего стоило терпеть.

А потом он наклонился ближе, обдав ее запахом дорогого бурбона и несвежего табака, и положил тяжелую ладонь ей прямо на бедро. Грубо, по-хозяйски.

- Поехали ко мне. У меня пентхаус на Пресне. Посмотрим на ночной город.

Лола замерла. В глазах мужчины не было ничего. Ни интереса, ни тепла. Только сытая, ленивая похоть покупателя на мясном рынке.

«В бардачке у него обручальное кольцо, - ледяным тоном произнес голос внутри. - А в пентхаусе детская комната с розовыми обоями. Утром он вызовет тебе эконом-такси и

сунет пять тысяч на косметику, чтобы ты не ныла».

Лола сбросила его руку.

- Извините. Мне пора.

Мужчина скривился, мгновенно потеряв лоск:

- Да ладно тебе цену набивать. Сама же сюда за этим приперлась. Шлюху в себе не задушишь, - крикнул он ей вслед.

Она выскочила на морозную улицу без шапки, хватая ледяной воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Слез не было - было только тошнотворное ощущение, будто ее только что оценили со скидкой на опте.

Лола встала под фонарем, дрожащими пальцами разблокировала экран. Ей физически, до дрожи в зубах захотелось услышать нормальный, спокойный человеческий голос. Просто чтобы кто-то сказал: «Привет! Ты как?»

Она открыла контакты. Вбила в строку поиска: «Малик».

Пусто.

Она моргнула. Переключила раскладку. «Малик аналитика». «Малик работа».

Ничего.

Лола лихорадочно открыла недавние вызовы. Он ведь звонил ей как-то по рабочему вопросу пару недель назад. Но среди входящих были только курьеры, спам от стоматологий и длинный список пропущенных от риелторов. Она не записала его номер. Она никогда не записывала номера тех, кто, по маминой классификации, «не имел перспектив». Зачем забивать память телефона балластом?

Пальцы уже не попадали по буквам от холода. Она залетела в рабочий Telegram-чат компании на двести человек, вбила имя в поиск участников.

Экран выдал серый кружок без аватарки.

«Удаленный аккаунт».

Ни телефона, ни юзернейма. Ничего.

Лола замерла посреди тротуара. Мимо с сырым шуршанием пролетали такси.

И в этот момент прямо в затылке, отчетливо, зло и безжалостно, раздался голос:

«Шлюха - она и есть шлюха, только ты бесплатная. Так, может, пора перестать ломаться? Бабки, тачки, сауны, шмотки - кайф же. Прайс бы озвучила, а ты строишь из себя тургеневскую барышню на Патриках. Или ты для своего Малика с макаронами в баночке себя бережешь? Так у тебя даже номера его нет, дура».

Лола сжала телефон так, что побелели костяшки.

- Заткнись… Сука… Что с моей головой?

Хотелось закричать прямо в ночное небо, но изо рта вырвался только белый пар.

«Метро, квартира, спать», - грозно сказала Лола себе.

А в воскресенье утром позвонили из районной больницы ее родного городка.

Обширный инфаркт. Реанимация. Состояние тяжелое, но стабильное.

Лола бросила в дорожную сумку первые попавшиеся вещи, не глядя на бренды, смыла остатки лака с ногтей и взяла билет на старый плацкартный поезд - на самолет денег не оставалось.

Шесть часов под перестук колес она смотрела в серое окно на бесконечные березы и чахлые заборы. Всю дорогу она ждала. Прислушивалась к себе.

«Ну? Скажи что-нибудь. Поиздевайся. Скажи, что я всё проебала».

Тишина.

Голос молчал. Внутри было пусто.

В больнице пахло хлоркой, вареной капустой и безнадежностью. Мать лежала на высокой железной кровати - маленькая, с серым лицом. Под капельницей. Без своих начесов, без командирского взгляда. Просто больная женщина, которая до смерти боялась, что её увидят в таком состоянии.

Она открыла глаза, увидела Лолу и слабо сжала ее пальцы сухой, шелушащейся рукой:

- Лолочка… приехала… Прости меня, дуру старую…

Лола опустилась на колени прямо на грязный больничный линолеум, уткнулась лицом в казенную простыню и впервые за много лет разрыдалась - страшно, навзрыд, смывая с себя весь глянец, все фильтры и всю фальшь последних десяти лет.

Вечером она пришла в квартиру матери.

Там стоял запах корвалола и старой бумаги. На кухонном

столе стояла недопитая кружка с остывшим чаем.

Лола ходила по комнатам, трогая пыльные вещи. Заглянула в старый шифоньер. На верхней полке, среди стопок постельного белья с запахом нафталина, лежала потрепанная общая тетрадь в коленкоровом переплете.

Дневник.

Лола села на край продавленного дивана, включила торшер и открыла первую страницу.

Почерк матери - мелкий, нервный, убористый. Записи двадцатилетней давности.

«14 мая. Лолочке шесть лет. Сегодня она нарисовала на обоях море и домик. Плакала, говорит, хочет быть художницей. Господи, как мне страшно за нее. Отец опять пришел пьяный, выгреб все деньги из заначки, на хлеб не осталось. Плакала в ванной, чтобы дочка не видела. Художницей… На что она жить будет? Женщина должна стоять на ногах крепко. Надо выбить из нее эту дурь. Пусть идет на экономический. Главное - чтобы нашла богатого, надежного, чтоб не дрожала над каждой копейкой, как я…»

«2 сентября. Купила Лолке пальто на вырост на рынке. Торговалась до хрипоты, стыдно перед людьми. Она дуется, хочет красивое, как у дочки директора школы. Объясняла ей: красота ничего не стоит. Главное - сытость. Пусть думает о будущем, а не о шмотках. Не дай бог ей повторить мою судьбу…»

«19 октября. Развод, терпеть больше нет сил. Теперь од-

на. Только бы поднять девочку. Только бы пристроить в надежные руки. Пусть хоть силой, хоть обманом, но вырвется отсюда…»

«23 июля. Собралась на дискотеку в Дом культуры - не пустила. Пусть об университете думает, а не с бесперспективными таскается…»

Лола медленно закрыла тетрадь.

По щекам текли горячие слезы.

Она смотрела на старый сервант, на треснувшую ручку двери, на эту убогую квартирку и впервые видела не тирана, сломавшего ей жизнь, а перепуганную, затравленную нищетой девчонку, которая всю жизнь бежала от ужаса и пыталась построить из собственных страхов броню для дочери.

Лола прислушалась к себе, ища тот голос внутри своей черепной коробки.

- Ты здесь? - тихо спросила она в пустую комнату.

Тишина.

Ни шороха. Ни шепота. Пустота в голове.

Лола провела в городке неделю. Перевела мать в платную палату, наняла хорошую сиделку, оплатила лекарства на полгода вперед, опустошив все свои кредитки.

В Москву она возвращалась утренней «Ласточкой».

Она шла по перрону вокзала в простом свитере, без макияжа, с собранными в пучок волосами.

Она знала, что сделает в первую очередь.

Она войдет в офис. Подойдет к столу Малика. Сядет пря-

мо на стул рядом, посмотрит ему в глаза и скажет:

«Привет! Угостишь кофе маленькую дуру? Сегодня я согласна на обед с тобой!»

Она влетела в бизнес-центр, взбежала по лестнице, распахнула стеклянные двери опенспейса.

На столе Малика не было монитора.

Не было стаканчиков с карандашами. Не было стикеров.

Стояла только одна картонная коробка, в которую уборщица сгребала забытые провода и пустые папки.

Лола замерла. Воздух застрял в горле.

Она подошла к соседнему столу, тронула за плечо коллегу-аналитика:

- Привет… А где Малик? Он на больничном?

Парень оторвался от монитора, равнодушно пожал плечами:

- А, ты же не в курсе была, тебя не было. Да уволился он. Еще в прошлый четверг расчет забрал. Ему в Питере оффер жирный сделали, тимлидом в крупный проект. Он одним днем собрался и уехал. Сказал, давно пора было сменить обстановку.

Лола смотрела на пустой ламинированный стол. На нем остался маленький круглый след от горячего кофейного стаканчика.

- Уехал?.. - эхом повторила она.

«Жирный оффер, и как я буду выглядеть теперь, если ему

позвоню?» - подумала Лола.

«Как шлюха!» - раздался голос внутри.

Это было последнее, что голос ей сказал.

В кабинете психотерапевта тикали настенные часы.

Лола замолчала.

Она сидела неподвижно, глядя на свои раскрытые ладони. Дождь за окном стих, сменившись первым, робким, мокрым снегом, который тут же таял на асфальте.

Доктор медленно снял очки. Потер переносицу.

- Это тяжелый финал, Лола. Горький. Но вы должны понять самое главное: вы прошли колоссальный путь. Вы сепарировались от матери. Вы увидели истоки своей травмы. Вы сняли маску и впервые захотели настоящей, живой близости, а не глянцевой картинки. Вы стали взрослой.

Он сделал паузу, заглядывая ей в глаза:

- А тот голос? Внутренний критик, циник, который преследовал вас. Он ведь действительно исчез?

Лола подняла голову. Посмотрела на свое отражение в темном стекле книжного шкафа. Там сидела взрослая, усталая, настоящая женщина.

Она слабо усмехнулась:

- Исчез, доктор. Внутри стало совсем тихо. И от этого ещё хуже - одиноко.

Она помолчала секунду и добавила:

- Голос исчез.

Доктор мягко улыбнулся, щелкнул ручкой, закрывая

блокнот:

- Время вышло, Лола. До следующего вторника?

- До следующего, - тихо сказала она.

Она накинула пальто, вышла на улицу и пошла к метро. Вокруг спешили тысячи людей с горящими экранами телефонов. Лола не доставала свой. Она просто шла, чувствуя, как холодные снежинки тают на ее горячих щеках. Прокручивая прайс в мыслях.

«Психотерапевты - мои любимые персонажи. Никто так виртуозно не упаковывает человеческое поражение в термин "личностный рост"».

ОТЕЛЬ ЖИЗНЬ

ЧАСТЬ 1. СМЕРТЬ

- Блядская локация. Ну вот какого хрена нас сюда спустили?

Хмурый, вытянутый, как тень от фонарного столба, силуэт с досадой сплюнул под ноги. Слюны, конечно, не было - чистая фантомная привычка из прошлой жизни, но жест вышел убедительным.

- Заткнись, Рэй, - огрызнулся второй, приземистый и плотный. Он нервно потирал серые ладони, похожие на сухую наждачку. - Распределитель дал сектор «Парк». Значит, ждём. Смена горит, баланс пустой. Ты домой хочешь с нулём вернуться?

Они слонялись по тёмной аллее старого парка втроём. Третий, мелкий и вертлявый, молча сидел на спинке деревянной скамейки, болтая ногами. Для редких вечерних прохожих они были просто холодным сквозняком, от которого мурашки шли по коже.

Октябрьский вечер был мерзким. Моросил мелкий дождь. Парк стремительно пустел.

- Да кого ты тут снимешь в девять вечера в дождь? - не унимался Рэй. - Двух бабок с палками для ходьбы? У них в запасе от силы года по три. Раздели на троих за вычетом налога распределителя - нам даже до горшка не хватит.

В этот момент мелкий на скамейке вдруг замер и вытянул шею:

- Тихо. Гляньте туда.

На краю гравийной дорожки сидел чёрный котёнок. Мелкий, тощий, уши торчком. И он не просто смотрел в темноту - его янтарные круглые глаза были намертво прикованы к ним троим. Голова котёнка медленно поворачивалась, следя за каждым их движением.

- Опа… шерстяной нас палит, - хмыкнул Рэй.

- Естественно палит, - буркнул плотный. - Думаешь, люди их просто так веками в домах держали и в койку к себе клали? Кошаки нас за версту чуют. Лучшая сигнализация от внезапного инфаркта. Если в доме кот - хрен ты к спящему подберёшься, чтобы сердечный клапан прижать, сразу орать начинает… Стоп. А ведь это шанс.

Котёнок глухо зашипел, вздыбил шерсть на загривке и, почуяв неладное, сиганул прямо на ствол ближайшей сосны. В два прыжка взлетел метра на три вверх, застрял в развилке мокрых веток и тонко, жалобно заверещал на весь парк.

- Видите? - Мелкий спрыгнул со скамейки. - Бежит.

По дорожке, мягко разрезая кроссовками гравий, приближался бегун. Высокий, поджарый, в дорогом ветрозащитном костюме со светоотражающими полосками, в беспроводных наушниках. Бежал легко, дышал через нос.

Перед глазами троицы воздух на секунду зарябил.

- Рэй! Системный чек… быстро! - выкрикнул Хмурый.

- Объект: Макс. Возраст: 28 лет. Статус: Предприниматель, ЗОЖ. Прогноз запаса: 51. Действуем, сучки, - быстро добавил Рэй.

- Я в ухо! - крикнул мелкий и устремился к объекту.

Наушники Макса странно затрещали. Он вынул их из ушей, вставив в бокс для перезагрузки.

«Странно, новые - нужно по гарантии вернуть», - подумал он и услышал писк котёнка.

Макс остановился, шумно выдохнул пар и убрал белый глянцевый кейс с наушниками в карман на молнии. Вечерняя тишина парка тут же обрушилась на него сыростью.

И сквозь эту тишину - отчаянный, надрывный писк.

Макс поднял голову. На уровне второго этажа, вцепившись когтями в мокрую кору сосны, висел чёрный комок шерсти. Котёнок дрожал всем телом, орал не затыкаясь и испуганно таращился куда-то в пустоту прямо перед деревом.

- Эй, бедолага… как тебя занесло-то? - тихо хмыкнул Макс.

Он подошёл к дереву и подпрыгнул, легко зацепившись за нижнюю толстую ветку. Подтянулся.

- Давай, давай, не просрите шанс, - ёрзал под деревом Мелкий.

Хмурый уже караулил в развилке, прямо над головой жертвы. Одно резкое трение ладоней о ветку сосны - и между ними вспыхнул мутный энергетический заряд. Древесина откликнулась мгновенно: смолу буквально выдавило на-

ружу, превратив шершавую кору в ледяное мыло.

Макс перехватил ветку выше. Правая ладонь с размаху угодила в ледяную липкую жижу.

- Сука… - выругался парень сквозь зубы.

Пальцы мгновенно потеряли сцепление с деревом, проскользнули. Центр тяжести предательски качнулся назад.

- Рэй, добивай! - рявкнул Хмурый.

Рэй вихрем метнулся к левой ноге парня и вцепился в ахиллово сухожилие ледяной хваткой, выкручивая нерв.

Макса словно ударило током. В левой икре разорвалась бешеная, парализующая судорога - мышцу скрутило в твёрдый каменный узел. Нога сама собой поджалась, подошва кроссовка с визгом сорвалась с мокрого ствола.

Времени на страх мозг не выделил. Была только доля секунды, за которую мир перевернулся вверх ногами: чёрные ветки сосны, мутное серое небо, улыбка котёнка и бордюр под шейным позвонком.

Хруст и свой последний судорожный вздох Макс уже слышал со стороны.

Его душу вышибло из мясной коробки за миллисекунду до удара - с такой силой, будто выстрелили из пушки.

Рядом, неестественно подогнув руку, лежало его тело. Глаза Макса были приоткрыты и мутно пялились в темноту.

- Чисто пошло! Без реанимаций, в ноль! - раздался рядом восторженный визг Мелкого.

Макс в оцепенении обернулся. Вокруг трупа суетились

двое, и теперь он видел их чётко: серые, жилистые силуэты со счастливыми, голодными оскалами.

В эту же секунду из груди мёртвого тела с хрипом вывалился третий - Рэй. Он тяжело дышал, трясся всем телом и остервенело отряхивал руки, будто испачкался в гнилой жиже:

- Блядь, к этому никогда нельзя привыкнуть! Жуть как больно, мерзко и долго!

- Рэй, пятьдесят один год! Сука, чистый пятьдесят один! - радостно вопил Хмурый.

- Стойте… - попытался закричать Макс, бросаясь вниз, к своему телу. - Стойте, уроды, что вы делаете?! Это моё! Это моя жизнь!

- Пошёл на хрен, - бросил Рэй, и они исчезли, словно растворились в воздухе.

Котёнок. Тот самый чёрный комок шерсти спокойно, задом наперёд, сползал по стволу сосны. Спрыгнул на мокрую траву, отряхнул лапы и уставился на Макса.

- Это всё ты, сволочь… Верни мне жизнь! - заорал Макс и метнулся к коту.

Но котёнок сорвался с места молнией и растворился в высокой траве у забора.

Макс замер. Там, где секунду назад сидел кот, на примятой сырой земле белел прямоугольник плотной бумаги. Обычная потёртая визитка с золотым тиснением, испачканная грязью.

Макс нагнулся.

«Ты получишь больше».

Это всё, что он успел прочитать.

ЧАСТЬ 2. РЕСЕПШЕН

Земля под ногами не просто исчезла - она лопнула, как тонкий лёд.

Макса с чудовищной силой всосало вниз, сквозь мокрую траву, сквозь гравий, сквозь пласты глины и камня. Желудок подкатил к самому горлу, в ушах заложило от бешеного перепада давления.

Удар.

Он со всего размаха приложился рёбрами о стерильно-белый, скользкий пол.

- Блядь! Какого хрена… - прохрипел Макс, инстинктивно хватаясь за шею.

Шея была цела. Но боль в затылке всё ещё пульсировала живым, горячим, раздирающим жжением. Ладони были перемазаны в сосновой смоле и дорожной грязи. На нём были всё те же беговые кроссовки, влажный от моросящего дождя ветрозащитный костюм со светоотражающими полосками, карман на молнии оттягивал кейс от наушников. Он всё ещё дышал - жадно, тяжело, с хрипом, втягивая воздух ноздрями.

Только воздуха не было, была привычка.

Здесь ничем не пахло. Ни пылью, ни озоном, ни тухлятиной. Абсолютный химический ноль.

Макс опёрся руками о ледяной пол и поднял голову.

- Где я, что за хуйня?..

Это был не ад и не рай. Это был бесконечный зал ожидания, похожий на чудовищных размеров терминал аэропорта, уходящий в белёсую мглу. Низкий потолок мерно гудел тысячами светящихся нитей.

И вокруг были сотни, тысячи людей.

Они стояли плотными, застывшими рядами перед длинной линией белых монолитных стоек. Зрелище было до жути абсурдным: люди были в том, в чём их застала смерть.

Слева от Макса переминался с ноги на ногу седой дед в байковом больничном халате с торчащим из вены катетером. Справа, прижавшись друг к другу спинами и испуганно озираясь, стояли абсолютно голые парень с девушкой - их кожа блестела от пота, зрачки расширены, дыхание сбито. Их выдернули прямо на пике фрикций, прямо из джакузи, и парень судорожно пытался прикрывать пах ладонями, пока девушка беззвучно глотала слёзы, дрожа всем телом.

Все они кричали, скулили, матерились, требовали вызвать скорую, полицию, адвокатов. Толпа гудела животным человеческим страхом.

А по ту сторону стоек царила идеальная, абсолютная тишина.

Там стояли сотрудники. Безупречно выглаженные серые рубашки, идеально симметричные лица, холодная фарфоровая кожа. Они не зевали, не раздражались на вопли, не вы-

тирали пот со лба. У них не дёргался глаз.

- Следующий. Окно сорок два, - раздался ровный, синтетический голос оператора, не выражавший вообще ничего.

Макса словно невидимым сквозняком подтолкнуло в спину прямо к высокой матовой панели.

За стойкой стояла девушка - если это существо вообще можно было назвать девушкой. Идеальный пробор, пустые серые глаза, в которых отражалась сама пустота.

- Послушайте, - затараторил Макс, вцепляясь пальцами в край стойки и пачкая её сосновой смолой. - Какая-то ошибка! На меня напали в парке! Трое… трое уродов, один влез мне под рёбра, а кот… чёрный кот. Верните меня, у меня бизнес, у меня встреча завтра в девять!

Сотрудница даже не моргнула. На её лице не дрогнул ни один мускул. Она не посмотрела на его перепачканное лицо и порванный рукав.

- Протяните правую ладонь для финального аудита ёмкости, - произнесла она ровно, с вежливой, пугающей интонацией банковского терминала.

- Да вы слышите меня, блядь?! - сорвался на крик Макс, ударив кулаком по стойке. - Меня убили!

- Правая ладонь, - повторила она с той же громкостью и той же тональностью.

Макс тяжело задышал, чувствуя, как от бессилия и ярости пульс стучит в висках. Он с силой шлёпнул липкую от смолы ладонь на стеклянный квадрат в столешнице.

Из-под стойки раздалось:

«Идентификация объекта: Куб 18.112.7896.

Физический остаток неизрасходованной энергии: 81%.

Статус: Кармический узел, 6-й класс.

Баланс путёвки: пуст».

Сотрудница бросила мимолётный взгляд на Макса.

- Остаток энергии впечатляет. Нравственно здоровый образ жизни - хорош, - сказала она ровно, с застывшим лицом.

- Аудит завершён. Ваша путёвка полностью аннулирована третьей стороной. Приступаем к процедуре возвращения.

Макса охватила паника: он понимал, что возвращают его далеко не на Землю.

- Какого нахуй возвращения?! - Макс попытался отдёрнуть руку, но ладонь словно намертво приварило к стеклу.

- У вас есть возможность испытать последнее полное чувство, - предложила сотрудница.

- В пизду! - эмоционально выпалил Макс.

- Возможность исполнена…

Макса охватил безумный холод на миг, и всё стало…

Глава 2

ЧАСТЬ 3. ДОМ

Холод выключил всё лишнее.

Словно в перегретом системном блоке с глухим щелчком сработала защита. Бешеная ярость на кота, обида за сорванную жизнь, фантомный привкус крови во рту, страх - всё это не исчезло, нет. Оно просто остыло до комнатной температуры. Стало плоским, серым и неважным. Как строчки мелкого шрифта в пользовательском соглашении, которое ты промотал, не читая.

Одежда осыпалась невидимой трухой. Пропали беговые кроссовки, грязь на пальцах, кейс от наушников. Ощущение плотности тела перестало существовать.

В ушах - или прямо в центре сознания - прозвучал нейтральный, гладкий голос:

- Возвращение завершено. Уровень восприятия зафиксирован: десять процентов. Выберите форму пребывания: мужская, женская, базовая.

С десятипроцентной ясностью мысли текли медленно, чисто и абсолютно логично. Никаких сомнений. Никаких эмоций.

- Женская, - произнёс он. Голос прозвучал мягче, потеряв грубую хрипоту бегуна.

- Имя?

Человеческая память отступала, растворяясь в сером тумане, но одно слово застряло на самом дне, как оттиск печати на воске:

- Макс.

- Подтверждено. Объект: Макс. Форма: женская. Перемещение в Куб 18.112.7896.

Пространство щёлкнуло темнотой.

Она стояла посреди своего Куба. Память вернулась мгновенно - не земная, короткая и суетливая, а настоящая. Вечная. Сотни прошлых циклов, бесконечные века пребывания здесь, тысячи спусков и подъёмов. Земной «Макс-предприниматель» с его утренними пробежками, бизнесом и ЗОЖем был просто очередной короткой командировкой в «Отель Жизнь», оплаченной до последней копейки и закончившейся чуть раньше срока из-за банального просчёта у дерева.

Бывает. Чистый бизнес.

Куб не имел стен в человеческом понимании. Куб был персональной, замкнутой вселенной, не знающей ограничений физики. Здесь не существовало дефицита, расстояний или запретов. Захоти она - пространство вокруг развернулось бы в бескрайний горный хребет, шумный мегаполис с неоновыми небоскрёбами или берег тёплого океана с белоснежным песком и ленивым шелестом прибоя. Можно было материализовать бокал пятидесятилетнего виски, жареное мясо на углях, роскошный шёлк или ледяную воду. Вселенная по щелчку мысли.

Но эта вселенная была мертва.

Потому что базовые чувства отсутствовали напрочь. Боль была стёрта. Вкус - аннулирован: глоток вина давал лишь ощущение жидкости без букета и тепла, мясо воспринималось как безвкусная текстура, шёлк не ласкал кожу. Не было осязаемости. Океан оставался лишь трёхмерной декорацией: вода не мочила, песок не грел ступни, ветер не приносил запаха соли. Здесь не было страдания, но не было и наслаждения. Абсолютная, безупречная сытость без возможности почувствовать сытость. Для неё десять процентов чувств равнялись нулю.

Куб встретил её привычным интерьером предыдущего цикла: грубый тёмный дуб, кожаное кресло, холодный неоновый свет под потолком - всё, что она настраивала под себя перед прошлым мужским воплощением.

Макс слегка повела тонкими серыми плечами. Посмотрела на свои руки: длинные изящные пальцы, гладкая матовая кожа без пор, сосудов и царапин.

Мысленный щелчок - и Куб послушно перестроился. Тяжёлая кожа исчезла. Пространство наполнилось мягким рассеянным жемчужным светом. Пол стал цвета слоновой кости, в углу развернулась широкая низкая софа с мягкими линиями.

Здесь нельзя было сойти с ума от скуки или бессмысленности бесконечного комфорта: для безумия нужны отчаяние, страх, ярость или тоска. Десять процентов восприятия

не позволяли испытывать ничего из этого. Они оставляли лишь холодную, безупречную функциональность.

В центре комнаты возник рабочий стол - гладкая чёрная плита, над которой вспыхнула панель текущего статуса:

«Объект: Макс.

Текущий баланс энергии: 81%.

Необходимо для допуска (Охота): 100%.

Статус: Проектировщик».

Восемьдесят один процент. Она сохранила приличный запас за счёт того, что в земном теле вела правильный образ жизни - не травила плоть сигаретами, не заливала алкоголем, берегла ресурс. Но девятнадцати процентов не хватало. Правила Системы были непреложны: с неполным баком к шлюзам спуска не подпускают. Либо ты заряжен на сотку, либо сидишь в Кубе и работаешь на конвейере.

Макс опустилась за стол. Чёрная панель отозвалась лёгкой вибрацией, разворачивая в воздухе объёмную трёхмерную структуру - сложный, пульсирующий каркас будущей человеческой судьбы. Пустая заготовка.

Её работа заключалась в создании проектов для тех, кто вот-вот должен был родиться в «Отеле Жизнь».

Она привычно перебирала узлы, настраивая три обязательные базовые ветки, которые полагались каждому авата-

ру:

Первая ветка - нищета, вечная борьба за выживание, где каждый рубль даётся с боем.

Вторая - крепкий, серый средний класс: стабильная работа, ипотека на тридцать лет, отпуск раз в год и тихая пенсия.

Третья - богатство, шальные деньги, власть и все сопутствующие риски сорваться в пропасть.

Между этими тремя магистралями Макс виртуозно вплетала десятки скрытых лазеек: случайные встречи, внезапные болезни, лотерейные билеты, кризисы, резкие социальные лифты и глухие тупики. Игрок на Земле мог маневрировать между ветками, принимая решения, меняя траекторию.

Но было одно строгое табу. Главное ограничение Системы, которое ни один проектировщик не мог взломать.

Чувства.

В проект нельзя было заложить любовь, привязанность, щемящую нежность или животную ненависть. Нельзя было прописать, с кем этот человек захочет остаться в постели до утра, ради кого он наплюёт на все три ветки судьбы или почему вдруг полезет на сосну спасать мокрого чёрного котёнка.

Земля была суверенной зоной. Сто процентов ощущений генерировали абсолютный, непредсказуемый хаос, который стирал все идеальные расчёты.

Душа, которой достанется этот проект, получит его вслепую. Память о Кубе и истинной природе вещей ей сотрут на

ресепшене перед спуском. Она будет искренне верить, что эта жизнь - единственная, что боль в груди настоящая, а мир крутится вокруг неё.

Макс хладнокровно завязала узел очередной финансовой катастрофы в среднем сценарии и откинулась на спинку.

Девятнадцать процентов. Ещё три-четыре закрытых проекта - и баланс заполнится под завязку. Она получит допуск и напарников, и тогда начнётся охота за накоплением.

Охота ждала.

ЧАСТЬ 4. ОХОТА

Последний узел судьбы встал на место. Макс закрыла пятый по счёту проект.

Сложная голографическая схема чужой жизни коротко мигнула и ушла вглубь столешницы. Принято без правок.

На черной плите всплыли холодные системные строчки:

«Объект: Макс.

Текущий баланс энергии: 100%.

Лимит восполнен.

Квалификация: подтверждена.

Статус: доступ к охоте открыт».

В ту же секунду стена Куба слева дрогнула. Жемчужная плоскость без звука разошлась в стороны, открывая узкий

проем. Личная вселенная кончилась - за порогом начинался общий сектор.

Макс поднялась. Ни радости, ни нетерпения: десять процентов чувств по-прежнему держали восприятие на абсолютном нуле. Но холодный расчет требовал следующего шага - спуска на Землю и охоты.

Она перешагнула порог.

Куб за спиной схлопнулся. Макс встала на серую подвижную полосу пола, которая тут же потащила ее вперед, сквозь гигантский распределительный зал. Здесь стояла та же больничная белизна, что и на Ресепшене прибытия, но пространство заполняли сотни серых фигур. Никто не тратил ресурс на пустые разговоры - стоял лишь сухой шорох бесчисленных движений.

Платформа под ногами плавно замедлилась у развилки и замерла возле массивной колонны. Слева пол тускло светился белым контуром, отмечая точку сбора.

Там ее уже ждали трое.

Все были в мужских оболочках - угловатые и безликие. Первый, высокий, с тяжелой квадратной челюстью - Дэн. Второй, жилистый, непрерывно перебирающий длинными пальцами - Даниэл. Третий, плотный и неподвижный, как бетонный блок - Арсений.

Знакомиться здесь было не принято. Ни рукопожатий, ни дежурных кивков. Троица лишь синхронно мазнула по ней пустыми зрачками, сканируя параметры: женская фор-

ма, ник «Макс», заряд на сотку, земной баланс лет пуст.

- Комплект, - глухо бросил Дэн.

Они развернулись и пошли к тяжелым створкам в конце зала.

За ними гудел Тоннель переходов - прямая труба, усеянная десятками одинаковых серых дверей без ручек. Над каждой тлел порядковый номер.

Дэн прижал ладонь к секции сорок семь. Матовая плита ушла в паз, пропуская четверку в квадратный шлюз подготовки, и намертво захлопнулась следом.

Комната была пуста. Лишь на противоположной стене мерно пульсировали три одинаковых вертикальных проема - Окна перехода, затянутые мутной серой пленкой.

Никаких табличек, никаких подсказок - чистая рулетка. За одной мембраной скрывалась легкая добыча: старики, терминальные койки, реанимация, где сопротивления ноль, но и навар копеечный. За второй - средний уровень с более весомым куском лет. За третьей ждал крупный банк: молодой, крепкий ресурс с огромным нерастраченным запасом жизни, но и риск сорвать охоту и вернуться с пустыми руками там был максимальным.

Какое из трех окон что прячет - не знал никто.

- Удачной охоты! Восприятие чувств: восемьдесят процентов, - голос заполнил всю комнату.

Стены на миг озарились багровой вспышкой, и по шлюзу прокатилась тяжелая, душная волна давления.

Ощущение ударило наотмашь. Воздух, секунду назад стерильный и мертвый, фантомным комом ворвался в глотку с привкусом жженого пластика. Серые оболочки мгновенно налились иллюзией веса, натянулись нервами, отозвались ложной пульсацией несуществующей крови. В висках застучал бешеный ритм телесной памяти, а пустота внутри взорвалась первобытным человеческим шумом.

Дэн дернулся всем телом, будто сквозь его оболочку пропустили разряд. Его серые зрачки расширились, наливаясь жадной мутью, ноздри хищно раздулись.

В один тяжелый шаг он сократил дистанцию и навис над Макс, жадно сканируя изгиб ее шеи и талию.

- О-о-о… - выдохнул он хриплым, голодным рыком. - С нами теперь куколка. Слышь, может, я трахну тебя прямо здесь? И плевать на эту охоту.

Он выбросил широкую ладонь вперед, пытаясь сжать ее плечо.

Макс среагировала мгновенно. Восемьдесят процентов чувств обожгли ее не страхом, а чистой, концентрированной агрессией. Она сбила его хватку резким хлестким ударом и оскалилась, глядя в упор в его ошалевшие глаза:

- Пошел на хрен, тупой ублюдок! Я не собираюсь сливать пятнашку энергии на твою блядскую похоть!

Дэн отшатнулся на полшага, тряхнул головой, будто сбрасывая наваждение, и криво, похотливо ухмыльнулся:

- Сука…

- Хватит! - громко и грозно рявкнул Арс.

Его бас ударил по ушам, как молот по наковальне. Плотный, коренастый, он стоял посреди комнаты, сжав серые пальцы в кулаки до предела натяжения проекции. Его тоже штормило от возвращения восприятия, но вместо похоти накрыло глухой, тяжелой яростью.

- Заткнули пасти оба, - отрезал Даниэл, смерив Дэна взглядом исподлобья. - Время тикает. Энергия на разогреве уходит. В какое окно пойдем?

Все четверо замерли, тяжело и прерывисто дыша иллюзией воздуха. Перед ними по-прежнему вибрировали три абсолютно одинаковые серые пленки окон.

Дэн сплюнул под ноги несуществующую слюну, вытер рот тыльной стороной ладони и мерзко оскалился:

- А пусть сучка выбирает. Оставим выбор за дамой. - Он ухмыльнулся, глядя на Макс мутным, липким взглядом. - Давай, новенькая. Только смотри не проебись. Спустишь нас в пустую палату к паралитику - свои года отдашь.

Даниэл нервно заломил пальцы, зыркнув сначала на Дэна, потом на мембраны:

- У меня двадцать три года на балансе, мне два года до порога осталось! Давайте без немощных…

Макс даже не повернула головы в его сторону.

Она молча провела взглядом по Дэну, по перекошенному от нервяка Даниэлу, по тяжелому, как тумба, Арсу. Восемьдесят процентов чувств гудели в ее проекции острым, злым

азартом. Она слишком хорошо помнила, как легко и цинично ее саму выбили из жизни на той мокрой аллее парка. Теперь очередь была за ней.

Не говоря ни слова, Макс резко качнулась вправо и с размаху вошла в крайнее правое окно.

Серая вибрирующая пленка натянулась и поглотила ее оболочку. Следом, матерясь и толкаясь плечами, в воронку прыгнули остальные трое.

Мир вывернуло наизнанку.

Стерильный серый шлюз лопнул, осыпавшись черными искрами, и их всех четверых с оглушительным ревом выбросило в сырую ночную тьму.

Снизу ударил гул, от которого задрожали фантомные кости.

Они стояли полупрозрачными сгустками на бетонном отбойнике посреди скоростной восьмиполосной магистрали. Мокрый асфальт блестел под ядовито-желтыми фонарями. Мимо них со свистом и водяной пылью, разрывая воздух на скорости под сто сорок километров в час, неслись фуры и легковушки. Свет фар резал глаза белыми полосами, шелест покрышек смешивался с низким басовитым ревом двигателей. Запах реагентов, сырой грязи и выхлопных газов ударил по обостренным рецепторам с силой кувалды.

Даниэл пригнулся, цепляясь серыми руками за бетон, ошалело моргая на проносящийся мимо поток железа. Глаза его загорелись лихорадочным блеском:

- Трасса! Средний уровень, точно средний! - нервно выкрикнул он, перекрикивая гул моторов.

Дэн уже стоял во весь рост прямо на полосе, игнорируя пролетающие сквозь него капоты машин. Его широкую серую морду перекосило от хищного оскала.

Макс спрыгнула на противоположную сторону.

- Дани и Арс, с отбойника в фуры ныряйте! - крикнул Дэн.

Макс стояла у разделительной полосы, и поток шёл прямо на неё.

Первая машина врезалась в неё на скорости сто тридцать. Белый свет фар прошил её насквозь, и мир замер.

Не остановился, а именно замер, как кадр, который кто-то поставил на паузу. Капли дождя повисли в воздухе стеклянной крошкой. Рёв моторов растянулся в низкий, ленивый гул. Макс стояла внутри капота, а за лобовым стеклом, в двадцати сантиметрах от её лица, сидела женщина с телефоном в руке.

«Состояние: удовлетворительное. Внимание: высокое», - считывала Макс потоки энергии.

«Не то», - равнодушно отметила, и время сорвалось с места.

Следующая. Седан. Время встало, и она увидела старика в шляпе, вцепившегося в руль двумя руками.

Состояние: стабильное. Внимание: высокое.

Не то.

Третья. Четвёртая. Лица мелькали одно за другим: напря-

жённые, скучающие, злые, с пустыми глазами. Каждый раз мир замирал на удар сердца, которого у неё не было, и каждый раз в голове вспыхивала сухая сводка. Восемьдесят процентов чувств превращали это в пытку. Хотелось орать на каждого, кто ехал слишком ровно, слишком трезво, слишком внимательно.

С другой стороны трассы Дэн скалился в потоке, как пёс на живодёрне, и ловил капоты грудью. Над отбойником растворились в кузовах фур две серые тени: Даниэл и Арс ушли в высокие кабины. Макс видела только их спины и мутные силуэты за стёклами.

Очередная машина вылетела из дождя. Серая легковушка шла чуть левее своей полосы, и её слегка водило из стороны в сторону.

Макс шагнула навстречу.

Удар света. Тишина. Капли в воздухе.

За рулём сидел мужчина лет сорока. Помятая рубашка, галстук сбит набок, под глазами синие тени. Руки лежали на руле, но не держали его. Голова падала вперёд сантиметр за сантиметром, как у человека, которого уже наполовину выключили. Веки подрагивали и опускались.

Состояние: полуобморочное. Внимание: критически низкое. Запас: тридцать шесть лет.

Тридцать шесть.

Горло обожгло, и этот жар был не фантомным, а настоящим, голодным, до зуда. Тридцать шесть лет неслись перед

ней.

- Есть! Сюда! - крикнула Макс.

В ту же секунду три серых сгустка прошили крышу и двери.

Серая легковушка летела вперед на скорости сто двадцать, а в ее тесном салоне уже устроились четверо пассажиров.

- Даниэл, радио! Руби свет, гаси блядскую шумную волну! - возбужденно заорал Дэн.

Даниэл мгновенно вжался в магнитолу. Приборная панель моргнула, радио тихо зашипело, и сквозь треск колонок монотонно поплыл мягкий, усыпляющий голос: *«…Радио Релакс…»*

- Быстрее давайте, я долго сигнал не удержу! - захрипел Даниэл из динамиков. - Арс, расслабь ему правую руку!

Арс вдавил тяжелые серые ладони в плечо и запястье водителя, отсекая мышечный тонус. Дэн навис сзади, вцепился пальцами мужику прямо в затылок и начал закачивать в мозг густое, душное тепло, окончательно утягивая сознание в транс.

- Смотри, как надо, сучка, - оскалился Дэн, косясь на Макс возбуждённым взглядом.

Макс не слушала. Она игнорировала его хрип, следя исключительно за трассой сквозь залитое дождем стекло. Впе-

реди разметка уходила влево, а справа мокрый асфальт обрывался в песчаную обочину.

- Есть! - крикнула Макс.

- Что «есть»?! - рявкнул Дэн, не отпуская затылок.

Макс не ответила - она камнем ушла вниз, к педалям, и намертво вцепилась обеими руками в правую икру водителя, скручивая живую плоть дикой, острой судорогой.

- Сука, ты его разбудишь! - взревел Дэн.

Водитель дернулся всем телом, вынырнув из небытия - от болевого шока нога рефлекторно напряглась и со всей дури вдавила педаль газа в пол. Двигатель взвыл. Машину резко повело вправо. Колеса с визгом зацепили мокрую обочину, скошенный край отбойника сработал как трамплин, и легковушка на скорости под сто пятьдесят взмыла в темноту - вниз с обрыва, прямо к каменистому берегу реки. Охотники выскользнули из летящего салона, оставшись стоять на краю моста.

- Чисто. Учись, - бросила сухо Макс Дэну.

Дэн схватил Макс за плечи и одним мощным рывком швырнул ее вслед за летящей машиной.

- Удачи, кукла! - донеслось ей вслед сквозь свист ветра.

Машина летела вниз с оглушающим свистом. Ветер рвал темноту, время замедлилось до критического отсчёта - падение ускоряло притяжение к неизбежной точке гибели.

Внизу блестели мокрые валуны и черная вода.

За долю секунды до удара Макс не попыталась отстра-

ниться. Закон Охоты работал жестко: чтобы распечатать чужой ресурс, охотник обязан замкнуть на себе эпицентр боли. Принять физическую смерть на себя.

Ее душу рывком втянуло прямо в грудь водителя.

Грохот разорвал ночь. Металл капота сжался в гармошку о гранитные камни. Рулевая колонка прошила грудную клетку насквозь, ломая ребра и разрывая легкие.

Макс задохнулась в беззвучном крике. Восемьдесят процентов чувств взорвались агонией живого тела: треск костей, обжигающий привкус крови во рту, удушье. Боль на мгновение выжгла все внутри.

Но именно этот пик агонии сорвал замок с ресурса.

Душу мужчины Макс вышибла из тела наружу за секунду до смертельного удара. Теперь он стоял на мокрых камнях в паре шагов от разбитой машины - бледный, полупрозрачный, оцепеневший от шока. Мужчина смотрел на собственную смерть со стороны: на смятый руль, на залитую кровью панель и на свое мертвое тело, внутри которого корчилась Макс.

Сверху на камни опустились Дэн, Арс и Даниэл.

Из разорванной груди трупа вверх ударил плотный серебристый сноп высвобожденной жизни - тридцать шесть лет. Дэн скалился, жадно наблюдая, как сквозь этот свет медленно поднимается ошалевшая от перенесенного ада Макс.

По правилам Отеля добыча разделится поровну между всеми четырьмя, за вычетом двадцати процентов системно-

го налога при возврате. Но именно Макс только что приняла всю чужую смерть на себя.

- Я… я умер? - в шоке спросил дух мужчины, глядя на смятую машину.

Дэн метнулся к окровавленному телу и пальцами вцепился в горло, нащупывая вену.

- Живой, живой! - заорал он на всю округу. - Был пару минут назад! - И заржал, захлебываясь собственным воплем.

- Я уснул за рулём… - пусто произнёс мужчина.

Дэн подошел к нему сзади и положил руку на плечо:

- Совершенно верно. А мы тебе помогли.

- Чем помогли?

- Сдохнуть! - снова заржал Дэн.

- Хватит, - оборвала Макс, тяжело поднимаясь на ноги. Боль после чужой смерти еще сидела в висках.

Волна ресурса накрыла всех четверых сразу. Густой, тяжелый свет втянулся под кожу, обжигая холодом забранных лет. В ту же секунду земля под ногами потеряла плотность, превращаясь в воронку. Духа погибшего потащило вниз, в разлом, куда уходили все только что выбитые из плоти.

Охотников рвануло следом, но вверх - через серые пласты реальности обратно к шлюзам.

- С возвращением домой, соня! - напоследок крикнул Дэн в пустоту.

Шлюз секции сорок семь встретил их мертвой тишиной. Серые гладкие стены, три мутных окна за спиной и холодный

щелчок системы, гасящей земной дофамин.

Чувства начали стремительно сползать вниз - с восьмидесяти обратно к тупым базовым десяти процентам.

На стене вспыхнула панель расчета:

Добыча группы: 36 лет.

Сбор Распределителя (20%): 7,2 года.

К распределению: 28,8 года.

Доля участника: 7,2 года.

Объект: Макс. Баланс: 7,2 года. Энергия: 85%. Базовое восприятие: 10%.

Объект: Дэн. Баланс: 48,1 года. Энергия: 85%. Базовое восприятие: 25%.

Объект: Арс. Баланс: 54,0 года. Энергия: 85%. Базовое восприятие: 29%.

Объект: Даниэл. Баланс: 30,2 года. Порог в 25 лет пройден. Энергия: 85%.

Калибровка базового восприятия: 10% → 13%.

Воздух в шлюзе остыл за секунду.

С Макс слетели земные восемьдесят процентов, как со-

рванная кожа. Ярость, вкус крови, боль в рёбрах, адреналин падения - всё схлынуло, оставив серую ледяную пустоту. Мысли снова стали прямыми и стерильными. Пятнадцать процентов энергии ушли на спуск, и бак просел до восьмидесяти пяти.

Даниэла у стены вдруг затрясло.

Он прижался спиной к стене, вытянул длинные серые пальцы и судорожно втянул воздух, которого не было. Его оболочка не выровнялась в ноль. Зрачки остались чуть живыми, нервными. Он сжал ладони и улыбнулся:

- Тринадцать… Слышите? Тринадцать на постоянку! Холод давит на пальцы. Не фантомно, по-настоящему давит!

Дэн покосился на него со своих двадцати пяти:

- Заткнись, Дани. Три процента он нашёл. Тащи свой зад в Куб и работай.

Глава 3

ЧАСТЬ 5. ОТДЫХ

Строки на стене сменились.

До следующей Охоты требуется восстановление энергии: 15%.

Доступные варианты:

1. Стандартное восстановление в личном Кубе.

2. Отпуск в Мире. 1 месяц баланса = 1 сутки. Уровень восприятия на время отпуска: 40%.

Решение необходимо принять до калибровки.

- До калибровки, - буркнул Арс.

- Умно, - сказал Дэн, скалясь. - После десяти процентов нам будет вообще всё равно. Потому и дают выбрать сейчас.

Он ткнул пальцем в строку.

- Мне ночной город. «Наслаждений». Двое суток, чтобы вдрызг. Два месяца с баланса, хрен с ними. Ради сучек ничего не жалко.

- Не жалко? - тихо спросил Даниэл.

- Жалко, когда не берёшь.

Арс помолчал, глядя в стену. Потом сказал глухо:

- Мне речку. «Долина Тихой Воды». Лес, вода, никого. Сутки.

Дэн заржал:

- Старик решил погулять.

Даниэл всё ещё сжимал и разжимал пальцы, будто боялся выпустить тринадцать процентов.

- Горы, - выдохнул он. - «Белая мгла». Сноуборд, самый крутой склон. Сутки. Я хочу, чтобы там… чтобы всё давило по-настоящему.

Макс стояла последней. Она смотрела на строки и вспоминала мокрые камни, руль в груди и вкус крови. Потом перевела взгляд на «Отпуск».

- Пляж. «Солнечный». Сутки.

Списание: 1 месяц. Баланс после операции: 7,12 года.

Табло погасло. Стена распахнула выход из шлюза.

- На выход по одному, - сказал ровный голос. - На время перехода восприятие выравнивается до десяти процентов.

- До встречи, неудачники, - бросил Дэн и первым шагнул в проём.

Макс вышла в коридор. Привкус последних эмоций растворился, и серая пустота легла на место. Свет сомкнулся за спиной. Её пронесло мимо чужих ячеек и опустило в собственный Куб. Дверь затянулась.

Секунду не было ничего. Потом нога утонула в мягком песке.

Макс стояла в зелёном купальнике посреди огромного

пляжа. Горячий песок, солёный ветер, крик чаек. Она вдохнула, и сорок процентов чувств ударили разом.

- Море, - произнесла она вслух и побежала к воде.

Вода была тёплой. Макс стояла по колено в прибое и чувствовала каждую песчинку, которая уходила из-под пяток. Сорок процентов. После десяти в коридоре это било по нервам, как нашатырь.

Она нагнулась, зачерпнула воды и сделала глоток. Солёная. Отвратительно, и она улыбнулась.

Метрах в тридцати по берегу стояло дощатое кафе, а за ним тянулись шезлонги. Там отдыхали те, кто набрал свои шестьдесят: неподвижные, расслабленные, никуда не спешащие. Дальше за кафе стояли пляжные домики для душ.

Отдельно, в стороне, ближе к скалам, на перевёрнутой лодке сидел мужчина. Светлая рубашка с закатанными рукавами, чёрные брюки, закатанные до щиколоток. Босой. Он смотрел на воду сквозь солнцезащитные очки.

Макс заметила одну странность. Слева от неё море штормило: волны шли косо, с пеной, шумно били по песку. А справа, перед лодкой, море лежало ровное, как стекло.

Она была здесь раньше. Помнила пляж, помнила и свой домик.

Макс вышла из воды и пошла по кромке. Остановилась возле лодки, не слишком близко.

- Сюда можно?

- Здесь всё можно, ты же в курсе, - сказал он, не оборачи-

ваясь. - Садись.

Она села на песок. Он протянул ей стакан, который стоял рядом с ним на лодке.

- Пей, - сказал он.

- Что это? - спросила Макс.

- Лучшее, что я пил. Виски. Плавит разум, как и в Отеле.

Макс сделала жадный глоток. Горечь ласково обожгла гортань, и спирт взялся за своё дело, пьяня разум.

Мужчина посмотрел на Макс, и стакан растворился в её руке.

- Хорошо здесь. Мысли приобретают форму, информация - материю. Но нет одного: ста процентов чувств. Скука, - произнёс он.

- Так обменяй накопленное на билет в Отель Жизнь. Что тебя держит? - спросила Макс и добавила: - Как тебя зовут? Очень странно: имена я вижу у всех, а у тебя нет.

- У меня много имён. Назови меня, как тебе нравится, - ответил он.

- Ладно, будешь Генри.

- Почему Генри? - спросил он.

Макс указала на край лодки, где было выцарапано «Генри».

- А, да. Бедолага Генри, у которого отобрали возможность глубоко чувствовать как великое горе, так и великую радость. Прямо в Отеле.

- Убили? - спросила Макс.

- Можно и так сказать, - ответил мужчина. - Но называй меня лучше Скамом, Генри мне не нравится.

- Скам? Дух обмана? - с усмешкой спросила Макс.

- Всё намного проще: Макс наоборот, - ответил Скам.

- Я присяду. - Она поднялась и села рядом с ним на лодку.

- А мне не нравится Скам, - с улыбкой сказала Макс.

- Луций, - спокойно сказал он.

- Вот это уже другое дело.

- Ты ещё воняешь, - сказал Луций.

- Воняю? - удивилась Макс.

- Да, мужской плотью.

- Так я же с охоты только, - усмехнулась Макс.

- Я знаю. Но ты ещё воняешь своей плотью из Отеля, - сказал Луций.

- Откуда ты знаешь, что в Отеле я была мужчиной? - спросила Макс.

- Я знаю намного больше, чем ты хотела бы узнать, - сказал Луций с сарказмом. - Я знаю, почему ты выбрала отдых после охоты. Ты ищешь его, но его тут нет. Он в Отеле.

- Откуда?.. - возмущённо спросила Макс, но Луций не дал ей закончить вопрос.

- Ты, как и Дэн, Арсений и Даниэл, на данном этапе - сбой, просто накопитель энергии для системы.

- Ты кто такой? Что ты несёшь? - возмутилась Макс.

- У меня доступ к информации, к которой вам доступ закрыт, даже для шестидесятипроцентных.

- Ты же хочешь прикоснуться к истоку, тебе же интересно, что находится по ту сторону твоего Куба? Тут реальность опасна, потому что ты не знаешь, что реально, а что - плод твоих мыслей и фантазий! - сухо, с улыбкой сказал Луций.

Макс сидела в замешательстве - настолько, насколько позволяли сорок процентов чувств.

- Смотри, того, кого ты хотела здесь найти, нет, и ты бы занялась вот тем. - Он указал на подтянутого мужчину, который спокойно прогуливался по пляжу. - Так вот, если тебе нужны знания, ты мне нужна пустая.

- Хочешь коснуться глубины системы - тогда не зови дух к себе, не привязывайся к другому, ведь чувства - это инструмент, оковы. Всё появилось от чувства, и балласт напряжения нужно скидывать, так как он порочит знание и искажает реальность. Не с духом будь, а тони в бездне, где тысячи рук, и языков, и лиц, и не лиц ласкают тебя. И будь с ними в непрерывном экстазе, пока не станет пусто. Там, где пусто, есть что влить. И если тебе интересно, так и поступишь. После следующей охоты я буду ждать тебя здесь. Но есть «но»: не открывай свой рот для запросов к системе, будь тем, кто ты есть, а то обнулишься в накопленных знаниях до котёнка. Чёрного, - с улыбкой сказал Луций, смотря в глаза Макс.

- Я всё сказал. До встречи.

Луций встал и направился по пляжу к скалам.

Макс хотела его остановить, но Луций, словно видел спиной, поднял руку вверх, дав понять ей остановиться.

Макс пошла к своему домику. Она помнила его: деревянное крыльцо, навес и шезлонг, стоящий в тени. Домик всегда был её, когда она попадала на этот пляж.

Она легла, вытянула ноги и посмотрела на море.

- Ну что, попробуем, - сказала она и закрыла глаза.

Шум прибоя стал тише. Тёплый воздух коснулся лица, скользнул по шее и задержался на плечах. Макс сделала глубокий вдох и почувствовала, как шезлонг под ней медленно опускается.

Она падала.

Не стремительно, не страшно. Пляж, домик и солнечный свет остались где-то наверху, а она погружалась в мягкую, тёплую темноту. Когда Макс попыталась пошевелиться, её коснулись руки.

Одна поддержала затылок. Другая легла на щёку. Ещё несколько обняли плечи, скользнули вдоль спины, удерживая её в глубине. Руки были повсюду. Сотни, тысячи рук бережно принимали её, не давая упасть, и каждая нежно касалась её.

Из темноты проступали лица и исчезали прежде, чем она успевала их рассмотреть. Тысячи губ целовали её лоб, шею, плечи. Тысячи языков оставляли на фантомной коже лёгкое, влажное тепло. Макс вздрогнула, потом расслабилась и потянулась навстречу ласке.

Она чувствовала себя обнажённой, открытой каждому прикосновению. Её окружали близость и тепло, и в этой глу-

бине ей не нужно было никого искать. Руки обнимали её крепче, губы находили губы, поцелуи становились долгими. Макс отвечала на них, хотя лица уже исчезали, уступая место другим.

Её ощущаемое тело отзывалось волнами удовольствия. Они проходили сквозь неё одна за другой, не оставляя времени опомниться. Макс выгнулась, вцепилась пальцами в чьи-то ладони и услышала собственный голос, растворившийся среди тихого шёпота ласк.

Она не знала, где кончается одно прикосновение и начинается другое. Руки скользили по ней, ласкали её, и вскоре она сама уже не могла отличить свои пальцы от тех, что обвивали её тело. Она чувствовала всё одновременно: тепло ладоней, нежность губ, дыхание у самой кожи.

В глубине было столько лиц, столько голосов. Они приближались, обнимали её, и Макс сливалась с ними. Она больше не удерживала себя отдельно, не пыталась понять, кто ласкает её и кому она отвечает. Её тело растворялось в их тепле, а наслаждение текло сквозь неё дальше, к другим рукам, губам и лицам.

Макс погружалась всё глубже.

Мысли о пляже, об Отеле полностью исчезли в темноте. Она не тянулась за ними. Тысячи рук продолжали держать её, тысячи губ нежно касались её, и постепенно исчезло даже ощущение того, что они принадлежат кому-то другому.

Она растворилась в них.

Не осталось ни навеса, ни моря, ни её собственного ощущения тела. Только бездна, полная нежности, и непрерывное удовольствие, в котором Макс становилось всё меньше.

Пока не стало пусто, хорошо и очень-очень тихо, только фантомный пульс бил приливом беззаботности.

- Привет!

Мужской голос вырвал Макс из бездны наслаждения. После пережитого ей было безразлично всё, что происходило вокруг. Она приоткрыла глаза и увидела того самого мужчину, который прогуливался по пляжу.

- Я тебя помню. Ты постоянно была здесь с Гансом, но он сейчас в Отеле. Прогуляемся? - спросил он.

- Отвали, - спокойно сказала Макс и отвернулась на бок. Она была в полном замешательстве: ощущения били по ней с такой силой, что не вписывались в выделенные сорок процентов. Так она пролежала очень долго, боясь упустить блаженство пустоты.

- Я же говорил, что это лучшее, что я пил, - раздалось за спиной Макс.

Макс резко повернулась и увидела Луция, сидевшего рядом в пляжном кресле.

- Что было в стакане? - взволнованно спросила Макс.

- Свобода! - с улыбкой сказал Луций. - До встречи. И держи рот закрытым, - добавил он.

Макс не успела опомниться, как пространство схлопнулось, и она оказалась в кресле-лежаке в своём Кубе.

С возвращением, Макс.

Текущий баланс энергии: 85%.

Необходимо для допуска (Охота): 100%.

Уровень восприятия: 10%.

Голос прокатился по Кубу ровно, без эмоций.

Макс подняла спинку кресла. На ней появились обычные белые брюки и рубашка. Она сразу взялась за проект - без страсти, сожаления и грусти.

ЧАСТЬ 6. РЕАЛЬНОСТЬ

Последний узел проекта затянулся.

Схема чужой жизни погасла над столом. На чёрной поверхности появилась строка:

Текущий баланс энергии: 100%.

Доступ к Охоте открыт.

Макс поднялась из кресла и вышла из Куба.

В шлюзе её уже ждали Дэн, Арс и Даниэл. Три мутных окна пульсировали на противоположной стене.

- *Удачной Охоты. Уровень восприятия: 80%.*

Волна прошла сквозь Макс, наполнила тело тяжестью, а мысли - нетерпением. Она вспомнила тёплый песок, перевёрнутую лодку и мужчину в светлой рубашке.

«После следующей Охоты я буду ждать тебя здесь».

Она хотела снова увидеть Луция. Спросить, что он имел в виду, когда назвал свободой содержимое стакана. И почему в бездне она чувствовала больше, чем ей было положено.

- Ну что, куда? - спросил Даниэл.

Дэн ткнул пальцем в среднее окно.

- Сюда. В прошлый раз с этой стороны выбрали - верно будет сменить выбор.

Он шагнул в плёнку. Остальные двинулись следом.

За окном оказалась небольшая квартира.

Старуха сидела за кухонным столом и чистила картошку. Рядом лежал телефон, на подоконнике стояла кружка с остывшим чаем. Из телевизора в соседней комнате доносились голоса.

Макс взглянула на женщину.

Запас: пять лет и десять месяцев.

Дэн присвистнул.

- Вот это улов! У меня аж встал. Делить будем или сразу коту отдадим?

- Другой здесь нет, - сказал Арс.

Старуха отложила нож, прижала ладонь к груди и медленно выдохнула. Макс заметила, как на мгновение дрогнули её пальцы.

Через несколько минут женщина сидела, опустив голову на руки. Телевизор продолжал говорить в пустой комнате. Всё прошло легко: сердечный нерв сдался быстро.

Когда всё закончилось, Даниэл вышел из её тела. Он мол-

ча прислонился к стене и закрыл глаза.

- Ну что, сучки, разбогатели? - спросил Дэн, скаля зубы.

Никто не ответил.

В шлюзе на стене загорелся расчёт.

Следом появились варианты восстановления. Макс посмотрела на строку отпуска.

После системного сбора каждому досталось по году и два месяца.

Минимальная доля каждого участника за Охоту для доступа к отпуску: 3 года.

Отпуск недоступен.

Она перечитала сообщение.

Восемьдесят процентов ещё держались в ней. Досада поднялась быстро и горячо.

- Издеваетесь, - бросила Макс.

Над строкой ничего не изменилось. Она вспомнила предупреждение Луция и больше не стала обращаться к системе.

- Что там? - спросил Дэн.

- Отпуск не дают. Мало набрали.

- Что такие, блядь, кислые рожи? Из-за одной бабки? - Он хохотнул. - Ещё бы. Там на четверых только запах старости.

Макс прочла оставшийся вариант, выбрала восстановление в Кубе и вышла из шлюза. Чувства начали гаснуть. Раздражение ослабло, желание вернуться на пляж отступило вместе с ним.

Следующую Охоту они провели на Земле без добычи.

Четверо искали подходящую жертву, расходились в разные стороны, возвращались, снова искали. Дэн дважды звал остальных, и оба раза зря. Арс почти не говорил. Даниэл всё чаще смотрел на него, будто тот мог знать, где ещё проверить.

Макс тоже никого не нашла.

Когда команда вернулась, строка добычи осталась пустой. Варианта с отпуском на стене не было.

В Кубе Макс снова села за стол. Проекты сменяли друг друга, энергия поднималась, и вместе с ней приближалась следующая Охота.

В третий раз их выбросило в метро.

Платформа гудела голосами. Люди стояли у края, смотрели в телефоны, переговаривались и прислушивались к нарастающему шуму из тоннеля.

Макс заметила мужчину в тёмной куртке. Он протискивался к краю платформы, придерживая сумку. Остановился, посмотрел на часы и переступил с ноги на ногу.

Она шагнула ближе и считала его запас.

- Есть, - позвала она.

Дэн появился рядом первым. Следом подошли Арс и Даниэл.

По тоннелю уже катился гул поезда. Мужчина наклонился, пытаясь разглядеть свет.

Все четверо вцепились ему в икру, скручивая её судоро-

гой.

Он дёрнулся, потерял равновесие и полетел вниз. Сумка осталась на платформе.

- С дороги! - заорал кто-то.

Мужчина оказался на рельсах. Его тело выгнулось от удара током. Люди закричали, машинист затормозил, и платформа огласилась пронзительным визгом.

Поезд остановился. Макс ждала, не отрывая взгляда от мужчины. Дэн рядом широко улыбался.

Сотрудники метро бросились к краю платформы. Мужчину вытащили наверх, и Макс увидела, как шевельнулась его рука.

- Нет, - сказал Дэн.

Возле пострадавшего сразу собрались люди. Через некоторое время к нему пробрались медики. Он был жив.

Дэн долго смотрел на него, потом пнул сумку. Нога прошла сквозь неё.

- Сука...

В шлюзе Дэн ударил ладонью по стене.

- На рельсы упал. Током его приложило. Что ему ещё надо?

- Видимо, жить, - сказал Арс.

- Очень смешно. Три ходки в пизду!

Даниэл стоял у расчёта и молча смотрел на ноль. Макс смотрела туда же.

Снова Куб. Снова проекты. А потом - ещё одна Охота.

В Кубе Макс была спокойна, а вот на Охоте её трясло от ожидания отпуска.

В шлюзе команда снова собралась перед тремя мутными окнами.

- *Удачной Охоты. Уровень восприятия: 80%.*

- Пошли нахер, неудачники, - выпалил Дэн и шагнул в среднее окно.

Ещё до того, как они попали на место, до них донёсся женский крик. Следом что-то тяжёлое ударилось о пол.

- Вот это уже интереснее, - сказал Дэн.

Они вышли в тесный коридор. Из кухни тянуло жареным луком, перегаром и чем-то подгоревшим. На полу валялась мужская куртка, рядом стоял один ботинок. Второй лежал у входной двери.

В кухне, упираясь ладонями в стол, стоял мужчина. Лет сорок, в мятой футболке и спортивных штанах. Перед ним лежал телефон с треснувшим экраном. Женщина напротив сжимала открытую бутылку.

- Скажи ещё раз, что не брал, - произнесла она.

- Да не брал я твои ебаные деньги!

- А куда они делись? Сами из ящика выпрыгнули?

- Может, ты их пропила?

- Ты долбаёб?

Женщина усмехнулась и отпила из бутылки. Потом поставила её на стол так резко, что стекло звякнуло о тарелку.

- Я вчера заплатила за квартиру. Из того, что в ящике бы-

ло. Остальное ты сегодня утром забрал.

- А ты считала?

- Считала.

- Ну вот иди и ещё раз считай.

Мужчина потянулся к бутылке. Женщина перехватила её и отодвинула.

- Не трогай.

- Ты серьёзно?

- Скажешь, где деньги, поделюсь, - с вызовом сказала женщина.

Он вырвал бутылку из её руки. Виски плеснуло на стол и потекло к телефону.

Женщина схватила его телефон. Мужчина рванулся через стол и задел рукой тарелку с бутербродами и форелью. Тарелка перевернулась и упала на пол, испачкав плитку.

Макс считала запас женщины.

- Тридцать два года.

Она перевела взгляд на мужчину.

- А у него двадцать шесть.

Дэн перестал улыбаться и переспросил:

- Двадцать шесть и тридцать два?

Макс кивнула.

После сбора оставалось достаточно. Если поделить на четверых, ей хватит на отпуск. Хватит вернуться на пляж.

- Берём её, - сказал Дэн. - Давим на него, пусть ебнет свою сучку. Тридцать два - хороший куш.

Женщина отпрыгнула к мойке, прижимая телефон к груди.

- Сейчас проверю твои переводы!

- Отдай и не лезь не в своё дело.

- Дай угадаю. Снова ему?

Мужчина бросил бутылку на стол. Она покатилась, стукнулась о стену и осталась лежать, медленно выливая виски.

- Не смей про него открывать рот.

- Как ты заебал со своим братом-недоумком! Он тебя до нитки обирает! Сколько ты ему уже отдал? А потом приходишь домой и орёшь, что жрать нечего!

Он сделал шаг к мойке. Женщина метнулась в сторону, но мужчина схватил её за руку. Телефон выпал, ударился о плитку и заскользил под стол.

- Смотри, что сделала! - заорал он, поднял телефон и бросил на стол.

- Это не я! Это ты сам!

Она толкнула его в грудь. Мужчина пошатнулся, задел стул и едва не упал. Удержался за край стола, посмотрел на женщину и пошёл к ней снова.

- Ты куда так вырядилась? Сто лет тебя в юбке не видел.

Мужчина прищурился и медленно оглядел жену. Та дёрнула подол вниз.

- Тебя забыла спросить.

Дэн уже лежал на полу у её ног и заглядывал под юбку. Он довольно оскалился.

- Отлично. Давим на ревность. На ней трусы кружевные.

- Для кого нарядилась, ещё раз спрашиваю?

Женщина попыталась отступить, но Дэн растёкся под её ногой скользким пятном. Подошва поехала. Она взмахнула руками, задела край столешницы и рухнула на пол.

Юбка задралась, обнажив кружевное бельё.

Женщина тут же потянулась к подолу, но муж успел заметить.

Дэн приподнялся на локте, с предвкушением глядя то на него, то на неё.

- Ловите, сучки, сцену.

- Это ещё что? Мне распиналась, что у тебя раздражение после таких трусов.

Она натянула юбку на колени.

- А ты всё-таки смотрел? Тебе показать, как расстёгивается?

- Я про трусы.

Она не отвела взгляд, даже сидя на полу.

- А что с ними не так?

Поднялась медленно, назло. Мужчина отодвинул стул и навис над ней, прижав к холодильнику.

- Для кого надела, спрашиваю?

Макс встала рядом с мужчиной. На столе лежал нож, которым, судя по крошкам, недавно резали хлеб. Рядом с мойкой стояла тяжёлая сковорода.

Арс задержал взгляд на ноже. Даниэл подошёл к сковоро-

де.

Мужчина ударил ладонью по холодильнику рядом с головой женщины. Она вздрогнула.

- Последний раз спрашиваю: для кого нарядилась?

- Может, и для тебя. Только ты с темы не спрыгивай: как деньги возвращать будешь?

Он ударил снова. Магниты с дверцы посыпались на пол.

Мужчина схватил её за запястье и выкрутил. Женщина вскрикнула, ударила его свободной рукой по лицу.

- Ах ты... сука.

Он толкнул её. Она врезалась спиной в стол и выругалась.

- Нож, - бросил Дэн.

Макс направила внимание мужчины к столу. Нож лежал рядом, рукояткой к нему. Мужчина посмотрел на него, протянул руку.

Женщина увидела это и замерла.

Мужчина взялся за нож.

Дэн оскалился:

- Давай, давай.

Но мужчина только отбросил его в мойку. Лезвие звякнуло о посуду.

- Я тебя пальцем не тронул, а ты уже орёшь, - сказал он.

- Сука! - взвыл Дэн.

- Ты мне руку вывернул!

Он шагнул к выходу, но женщина схватила со стола телефон, лежавший в луже виски, и швырнула в него. Телефон

ударился о дверной косяк рядом с мужчиной. Экран хрустнул, и телефон упал в коридор.

Мужчина остановился.

- Ты совсем охуела?

Он вышел из кухни и направился в гостиную. Женщина осталась стоять у стола, тяжело дыша.

- Куда он? - спросил Даниэл.

- Работаем, нельзя упустить шанс! - крикнула Макс.

Мужчина опустился в кресло, взял с пола гантель на пять килограммов и начал поднимать её, глубоко вдыхая и пытаясь успокоиться.

- Вот, - сказал Дэн. - Сейчас. Тащите эту суку сюда.

Даниэл и Арс выжали из разбитого телефона один звонок. Всего на секунду. На большее энергии не хватило.

Женщина сорвалась в коридор, схватила его телефон, но разбитый экран оставался тёмным. Она зашла в гостиную и швырнула его на диван. Арс дёрнул её ногу судорогой. Она задела угол журнального столика, порвала чулок и чуть не смахнула с него большую декоративную тарелку, привезённую с отдыха.

- Блядь! - вырвалось у неё при виде порванного чулка.

- По факту, - сказал мужчина.

- Рот закрой.

- Ты мне рот будешь закрывать, сука?

- Ныряем! - крикнул Дэн.

Арс и Даниэл уже щекотали мужчине мозг, усиливая

агрессию. Макс легла пеленой ему на глаза, искажая лицо женщины. Ему показалось, что та улыбается.

- Тебе, блядь, смешно?

- Ага, обоссалась от смеха. Я ухожу, я устала, - сказала женщина.

- Отлично, давай, Арс, крути ему мысли, - сказал Дэн.

- Да у него там и так полыхает, алкашка за нас работает, - усмехнулся Арс.

- Что ты сказала? Повтори.

- Я ухожу!

Мужчина замахнулся гантелью.

- Я тебе, сука, уйду!

- Макс, кидай глаза, корректируй удар! - заорал Даниэл.

Мужчина держал гантель над плечом, но не ударил. Макс ощутила, как ярость борется в нём с нерешительностью. Она вспомнила, как он отбросил нож.

Макс перестала размазывать его взгляд и посмотрела на женщину. В ту же секунду она рванула к ней, схватив её за голову.

- Ты что творишь, сучка? Сейчас всё проебём! - заорал Дэн.

- Страх, - прошептала Макс и впилась в неё, разгоняя страх.

Та в ужасе обернулась, схватила с журнального столика огромную тарелку и машинально швырнула её в мужчину, защищаясь и пытаясь выиграть время для побега из кварти-

ры.

Мужчина вскинул руку с гантелью, закрывая лицо. Тарелка ударилась о металл прямо перед ним и со звоном разлетелась на осколки. Один из них полоснул его по шее.

Он дёрнулся, выронил гантель и прижал ладонь под ухом. Кровь проступила между пальцами, стекая по тыльной стороне ладони.

Женщина смотрела на него в немом ужасе. Только что кричала, а теперь не могла пошевелиться.

Макс прислонилась к стене и улыбнулась. Дэн, Арс и Даниэл наблюдали за происходящим в шоке.

У мужчины подогнулись ноги. Он хотел присесть в кресло, но промахнулся и тяжело упал на пол. Женщина подскочила к нему.

- Ты чего? Ты чего, вставай.

Он пытался что-то сказать, но только хрипел. Кровь стекала по шее, пропитывала ворот футболки.

Дэн уставился на Макс.

- У сучки добычи было больше, - сказал он.

- Он бы её не ударил. Я чувствовала, как он колеблется. И нож он уже бросил.

- Да он бы ей голову снёс!

- А если бы не снёс? Опять ушли бы ни с чем.

- Прямо в десяточку, - восхищённо сказал Даниэл.

Женщина побежала на кухню, схватила чистое полотенце и свой телефон. Трясущимися руками, со слезами на глазах,

она прижала полотенце к его шее.

- Держи. Держи, слышишь? Я скорую вызову.

- Только не умирай, - бормотала она, нажимая на экран. - Только не умирай, пожалуйста...

Дэн прижался к женщине, взял её за руки, делая их дубовыми от паники и страха.

- Тянем время, - спокойно сказал он.

Мужчина закашлялся. Женщина прижала телефон к уху.

- Скорая? Приезжайте скорее! У него кровь... Я не знаю, что делать!

Она заплакала, продиктовала адрес, быстро ответила на вопросы и снова подползла к мужу. Полотенце уже потемнело. Она прижала его крепче.

Макс стояла рядом и наблюдала в предвкушении отпуска.

Если он умрёт, ей хватит. Она сможет вернуться на пляж и найти Луция.

Для женщины ожидание скорой тянулось вечность. Для охотников - слишком быстро: мужчина всё ещё держался за жизнь.

- Я уже и по нервам прошёлся, и по сердечку. Живой, - сказал Арс.

- Ничего, уже хрипит, - ответил Даниэл.

В коридоре раздались торопливые шаги. Женщина бросилась открывать дверь.

Трое медиков вошли в квартиру. Двое протиснулись в комнату с сумками. Один опустился рядом с мужчиной, вто-

рой отодвинул женщину. Третья осталась у двери.

- Что случилось?

- Мы поссорились. Я не хотела... Он хотел меня ударить, а я бросила тарелку, - дрожащим голосом сказала женщина. От неё несло перегаром.

- Отойдите, пожалуйста, - строго сказал второй медик. - Дуй за водителем и каталкой. Бегом, - добавил он третьей напарнице.

Женщина отступила к журнальному столику и села на него. Она закрыла лицо ладонями, размазывая по нему кровь, и зарыдала от ужаса.

Макс следила за руками медика. Тот убрал полотенце, осмотрел рану и быстро прижал к ней перевязочный материал.

- Только не как в метро, - пробормотал Дэн.

Третья сотрудница вернулась с водителем и каталкой. Мужчину погрузили на неё и повезли к выходу. Колёса стукались о пороги. В коридоре каталка зацепила ботинок, и тот отлетел под дверь.

Мужчина застонал.

- Терпите, - сказал один из медиков.

- Слышал? - Даниэл шёл рядом и уже не скрывал улыбки. - Сказали не терпи.

По лестнице уже бежали полицейские.

- Говорить может? - спросил полицейский у медика, катившего каталку.

- Говорить может, - передразнил его Дэн, скалясь.

- Нет, - резко ответил медик, дав понять, чтобы ему не мешали.

Женщина плакала, глядя на мужа.

- Я не хотела! Слышишь? Я не хотела! - закричала она.

- Зато мы очень хотели, - заметил Даниэл.

Полицейский забрал женщину обратно в квартиру. Она не переставала плакать.

- Прощай, сучка, - бросил ей Дэн.

В машине скорой помощи было тесно. Медик работал над раной. Охотники тоже работали, повышая мужчине давление.

Дэн склонился над ним вместе с остальными. Вдруг тело мужчины выгнулось. Его душу выкинуло наружу, а вместе с ней - Макс, Арса и Даниэла. Дэн попытался отстраниться, но остался внутри.

- Ха, Дэна захлопнуло! - радостно вскрикнул Арс, понимая, что всё получилось.

Мужчина на каталке захрипел.

- Смотри, он нам что-то пытается сказать, - сказал Даниэл и заржал.

- Что происходит, какого хрена? У меня что, белка? - спросил ошарашенный дух мужчины.

Даниэл, Арс и Макс рухнули от смеха на пол.

- Ага, последняя, - сквозь смех сказал Арс.

Дух посмотрел на них, потом на своё тело. Медик скло-

нился над ним, что-то говорил, но мужчина уже не слушал. Он поднёс руку к собственной шее и снова уставился на каталку. Потом перевёл взгляд на смеющихся охотников.

Внутри тела Дэн пытался вдохнуть.

Медик продолжал работать.

Потом Дэн поднялся из тела.

Он сел, свесив ноги с каталки, растёр шею и глубоко втянул воздух.

- Сука, - произнёс он.

Медик всё ещё склонялся над мужчиной.

Макс смотрела на него. Она помнила метро: удар током, рука, шевельнувшаяся на платформе. Тогда мужчина выжил. Она до сих пор не понимала, почему.

На этот раз он не двигался.

- Сделано, - сказал Арс. - Пора домой.

- Стойте, что случилось? Что происходит? - взвыл дух мужчины.

- Пока, неудачник, - ехидно сказал Дэн, и они растворились в воздухе машины скорой помощи.

В шлюзе на стене загорелся расчёт.

Добыча: 26 лет.

Системный сбор: 5,2 года.

Остаётся команде: 20,8 года.

Доля каждого: 5,2 года.

Дэн ткнул пальцем в стену.

- Вот! Вот это я понимаю - Охота.

- Ты хорошо смотрелся на каталке, - сказал Даниэл.
- Пошёл ты.
Макс уже искала строку отпуска.
Отпуск в Мире: доступен.
Она перечитала её. Потом ещё раз.
- Пляж, - сказала Макс. - «Солнечный». Двое суток.